

Рита Волкова

ЛОГО ПСИХ

Санкт-Петербург
«Геликон Плюс»
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)5
В 22

Волкова Р.

В 22 Логопсих : Повесть. — «Геликон Плюс»,
Санкт-Петербург, 2014. — 100 с.

ISBN 978-5-93682-965-9

© Волкова Р., текст, 2014
©«Геликон Плюс», оформление, 2014

*Посвящается
Антиповой Татьяне Александровне.
Спасибо за веру, надежду и любовь!*

От автора

*В его сердце тоска,
а в глазах бесконечность.
Он, как сорванный лист,
кружил по дорогам.
Он умел выбирать
между жизнью и смертью.
Он умел ликовать
в безнадежной разрухе.
Фотокарточки лгут —
перекошены лица.
Кто-то хочет уйти,
не изгадив страницы
своей собственной жизни.
Кто-то хочет отмыть
руки, деньги, но в этом
смысла нет никакого.
Небеса выбирают
только самых из самых!
Небеса выбирают!*

*эл. почта Prjm@ya.ru
для отзывов и предложений.*

Предисловие

Повесть «Логопсих» написана в особом, неповторимом стиле. Книга представлена читателю то ли белым стихом, то ли прозой, что, в свою очередь, является визитной карточкой автора, интересной для читателя, увлекающегося необычной, несколько неформатной и авангардной литературой. Форма подачи этого произведения сама по себе является в наше время новой, совершенно не похожей на классическую, чем, несомненно, заинтересует как искушённого читателя, так и ещё не определившегося в своих литературных вкусах. Чтение данного произведения не обременительно, хоть и не является таким уж простым. Несомненный плюс автора — это лёгкая и выразительная подача произведения. У этой повести нет конкретной аудитории, прочесть её не составит труда. Чёткость художественных образов и отточенность авторского стиля помогает яснее представить

и прочувствовать
произведение изнутри.
Любой человек,
даже далекий от событий,
происходящих
с героями произведения,
легко вольётся в их поток.
Гармоничная мелодичность,
схожая со стихотворной,
придаёт повести некую лёгкость,
похожую на слаженность
хорошо исполняемой мелодии,
не лишённой, в свою очередь,
своего непреклонного ритма.
Эмоциональная
включенность автора
в повесть чётко откладывается
на его умения подбирать
подходящие слова и обороты,
не выходящие
в жаргонные выражения,
оставляя произведение
более прозаическим,
а не заурядно
популярно-бытовым.
Автор рассказывает нам
о судьбе человека,
испытавшего на себе
все тяготы войны,
происходящей
буквально на наших глазах.
Межэтническая
и религиозная вражда,
актуальная и в наше время,
освещена здесь
достаточно хорошо.
Гражданская война,

которая длилась не один год,
что сделало её только
еще более ожесточенной.
Автор заставляет нас
лишний раз задуматься
о несовершенстве этого мира
и, пожалуй,
он прямо указывает на то,
чтобы мы не совершали
подобных ошибок в будущем.
Герой повести — такой же
заложник интриг
военных командиров,
как и многие, воевавшие
в то время на Кавказе.
Корысть, хитрость
и коварство характерны
здесь не только
для военачальников
с противоположной,
вражеской стороны.
Это говорит о честном
и непредвзятом
отношении автора
к сложившейся ситуации,
что не лишает его
патриотизма.
Он просто называет вещи
своими именами.
Моральная сторона повести
представлена вопросами:
что выбрать? Как поступить?
Как не потерять себя?
Герой принял для себя
верное решение.
Он не расплескал своей души
на войне и остался человеком,

который хоть и имел
«шрамы на сердце»,
но все же продолжал жить
а не опустился,
как это часто случается
с солдатами,
побывавшими на войне.
Стремление жить
вопреки ударам судьбы
говорит о твёрдом
характере героя,
которому хватило мужества
пережить
и войну, и предательство.
Это произведение
действительно
стоит прочесть каждому,
кто не чужд
моральной стороны
истории нашей страны,
где социальное,
бытовое и духовное
всегда очень тесно
связывалось
в один неразрубаемый узел.
Наверное, каждому читателю
повесть подарит пищу
для размышлений
своей гипнотической подачей
и откровенной реальностью.

Б. В.

В хаки*

* * *

Герой художественного фильма
об обороне Брестской крепости —
лейтенант Плужников
выходит из сырого
и тёмного подземелья
и на вопросы какого-то
важного немецкого чина:
«Фамилия? Звание?
Воинская часть?» —
хрипло отвечает:
«Я — русский солдат»...**
Вот такое оно было —
моё первое представление
о настоящем солдате.
Он, измученный
голодом и жаждой,
безоружный
и почти ослепший,
выбирается из тьмы на свет,
но живой,
не сломленный
беспощадным врагом.

* * *

Зимой город спит
крепким беспробудным сном,
словно здесь, как бойкот,

---

* с хинди — пыльный (*здесь и далее примечания автора*).

** См. фильм «Я — русский солдат» режиссёра Андрея Малаюкова.

объявлен «мёртвый сезон».
Я добровольно ухожу,
выдыхая табачный дым
серыми спутанными клубками,
в озон городских улиц
и убедительно-любезно прошу:
«Меня не провожать!»
«Провожатые»
страшно обижаются,
но быстро смирившись,
оставляют на моём левом плече
горькие тёплые капли
«солёного дождя».
Мой дальнейший путь следует
через Москву в Грозный.
И было нас,
таких «счастливицков»,
предостаточно,
чтобы неминуемо превратиться
из «человека, право имеющего»*,
в пушечное мясо.
И такая неудачная метаморфоза
была нам —
простым российским пацанам —
совсем несподручно.
Самое удивительное,
что это не импонирующее нам
крылатое выражение,
которое пошло в ход
ещё от самого Уильяма Шекспира,
обозначающее солдатские массы
обреченные
на бессмысленное уничтожение.
Нам, «солдатам удачи»,
Людям, твердо полагающимся

---

* См. роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

только на госпожу Фортуну,
гамлетовское «быть или не быть»
больше подходило!

* * *

— Стреляй первым,
или ты или он,
третьего не дано! —
назидательно повторяет
товарищ военком.
Утром по местному радио
передают последние сводки
по убитым и раненым
в федеральных войсках
за истекшие сутки.
Они откровенно блефуют,
и я чётко знаю,
что число пострадавших
сильно занижено.
Только в сто первом полку
потерь было в два раза больше!
Здесь только непролазная грязь,
кровь и смерть,
кровь и смерть.
— Я вас туда не посылал! —
кричит товарищ военком,
брызгая на меня
«ядовитой» слюной.
И мы были здесь, в Чечне,
в Грозном, в Ханкале,
Хасавюрте, Гудермесе,
Урус-Мартане, Первомайском,
безнадёжно потерянные,
никому не нужные,
нелюбимые дети своей страны.
В голове постоянно крутится

один и тот же
риторический вопрос:
«А кем будем мы,
когда вернёмся домой?»
У нас просто-напросто
не хватило денег,
чтобы откупиться
от этой бесполезной,
навязанной нам
грязной политической войны,
только и всего!
Да, у нас богатое
кровавое прошлое,
сомнительное настоящее
и будущее,
которого просто нет!

* * *

Наши стреляют!
Боже, ну какие идиоты,
по своим же стреляют,
сволочи!
Выпили для храбрости
и давай «жарить»
боевыми снарядами
наши тощие,
и без того рваные зады.
Да я и сам молодец!
Во мне самом поёт
пол-литра «Пшеничной».
Ну как тут
оставаться трезвым,
когда того и гляди тебя убьют
либо чечены, либо свои?!
Ну как тут не пить горькую,
когда вокруг смерть, разруха, хаос!

* * *

Собака седая вся,
словно в строительной пыли,
подбежала и тянет за рукав:
«Пошли, пошли!»
Я неохотно потянулся
следом за ней,
пригнувшись
от свистящих снарядов,
пролетающих
над моей головой.
В метрах трёхстах
вижу разрушенный дом.
Он сложился,
будто карточный,
после вчерашней
ночной бомбежки.
Собака начала
беспокойно лаять
и нетерпеливо, нервно
прыгать вокруг меня,
указывая на «место».
Я подошёл ближе
к бесформенным
тлеющим развалинам
и стал внимательно
прислушиваться
к «пещерным» звукам
этого каменного хаоса.
В глубине никто
не кричал и не плакал.

* * *

«Странный сон
со среды на четверг

или с субботы
на воскресенье,
в котором вы носите
белые чулки,
говорит о том,
что в ближайшем будущем
вас свалит тяжкий недуг», —
говорится в соннике
болгарской
провидицы Вангелии.
Ходила у нас
одна страшная легенда
про женщин-снайперов,
которые состояли
в особом
вражеском подразделении
под кодовым названием
«Белые чулки».
Так живописно окрестили
девушек-наёмниц,
входящих в его состав,
из-за цвета спортивного трико.
Говорят, что это бывшие
спортсменки-биатлонистки
из развалившегося уже
к тому времени
Советского Союза.
— Только никаких
знаков отличия! —
предупреждает
главнокомандующий
«Звезды»-то нам
чеченские снайперы
здесь не разрешают носить!
Первыми офицеров «снимают»!
Только по возрасту
да по густой щетине

мы их и различаем
в этой кровавой сваре.
Высшее же начальство
в основном
занималось «симбурдой» —
симуляцией бурной деятельности,
щеголяя
в боевой экипировке — «снаряге».
Снайперы стреляют дважды,
максимум четыре раза.
Итак, сначала стрелок «хитрит» —
бьёт по ногам.
Снайперши же
поступают ещё жёстче —
они стреляют
по самому уязвимому — в пах.
Боец резко падает на землю,
вопя от острой нестерпимой боли.
К нему на подмогу
спешит его боевой товарищ,
пытаясь убраться раненого
с линии огня.
И тут коварный снайпер
принимается и за него.
Он играет
с человеческими жизнями,
как большой сытый кот
с мышами в деревенском амбаре,
выжидая, пока кто-то ещё
бросится на помощь.
Раненые бойцы орут,
отборно матерясь.
От криков закладывает уши,
а остальные неподвижно сидят
в своём укрытии
и прекрасно понимают,
что тем ребятам

уже ничем не помочь.
Снайпер довершает
«чёрное дело»,
подписывая обоим несчастным
неумолимый приговор.

* * *

И попадаем мы с моим товарищем
в такую же жуткую передрагу.
Я отчаянно стараюсь
нащупать правой рукой
на своей липкой от крови груди
заветный медальон —
ангела-хранителя
из чёрнёного серебра.
В мои непослушные руки
вместо кулона
норовит попасться
армейский жетон.
Горячий кусок металла
обжигает холодные
бескровные пальцы,
я с силой тяну за гайтан,
так заботливо завязанный
моей матушкой,
а из груди вырывается
какой-то звериный крик, и,
словно ночным артобстрелом,
накрывает боль
мучительно-пронзительная!
— Отправь его ей, слышишь! —
протягиваю я кулон
моему товарищу
окровавленными руками, —
Все адреса найдёшь
на почтовых конвертах!

Эй, ты меня понимаешь?! —
ору я не своим голосом.
Севка только
блаженно улыбается,
энергично кивая в ответ.
— Да тебя контузило, братец,
не слышишь ты ни хера.
Чёрт ты полосатый! —
злобно негодую я.
Как позже выяснилось,
мой товарищ со страху
накачался промедолом,
аккуратно вытащив его
из моей личной аптечки,
и, наскоро попрощавшись,
уже отправил меня на небеса
к прадедам.
Но очередного
финального выстрела
не последовало —
то ли винтовку
неожиданно заклинило,
то ли наши
успели вычислить стрелка
и скоренько хлопнуть.
Не дождётся! —
насмешливо кричу я,
а эхо эффектно разлетается
по высоким заснеженным горам.

* * *

Ребята из мотострелкового
наскоро оказали мне ПМП —
посильную медицинскую помощь:
ловко вкололи промедол,
обработали медицинским спиртом

края жутковатой раны,
зияющей красно-чёрной дырой,
предварительно
употребив его внутрь.
Они, не мешкая, разорвали
новенький тельник
на широкие бинты.
К моему солдатскому счастью,
ранение было не опасным,
пуля прошла навывлет «нежно»,
не задев ни одного
жизненно важного органа.
Пацаны аккуратно
отволокли моё тело
на брезентовых носилках
в частный сектор,
где было относительно
спокойно и тихо.
Уже смеркалось,
когда санитар Воронов
пришёл меня «штопать»,
хладнокровно вынося
свой неизменный вердикт:
«Жить будешь, коли не помрёшь!»

* * *

*Ощущение утра,
что конец, что вот он,
что смерть
за мной приходила!
И рядилась она,
то в чёрное, то в белое,
то в серо-малиновый цвет!
И в лоб меня целовала,
и скалилась беззубым ртом!
А та, которую я так нежно*

*любил (а любил ли?),
предлагала мне водки
и рулетку
русскую непременно,
где поцелуй — промах,
а цель — взмах руки,
где на каждом пальце
вместо колец — «прощай».*

* * *

В освещенную солнцем,
медово-янтарную комнату
бесцеремонно врывается вихрь
сепии фотокарточек —
это мои воспоминания о том,
о чём следует молчать,
о том, из-за чего
можно загреметь в психушку,
причём на длительный срок!

Видение первое

«Я русский офицер.
Боже, царя храни,
Боже, храни мою семью,
мою жену и меня!
Страной правит
«красный сатана».
Он упивается
властью и кровью.
Пароходы
идут за границу,
эмигранты,
как перелётные птицы,
нет ни Родины,

ни флагов!» —
вспоминаю я
записи из своего
личного дневника.
Завтра я буду предан суду
и приговорен
к высшей мере наказания —
к расстрелу.
Всего лишь за то,
что я верой и правдой
служил моему Отечеству!
Заалеет белый китель,
сорванные эполеты втопчут
в грязь ногами
в тяжёлых кирзовых сапогах!
Но сердце бредит поцелуями,
объятьями.
Христово распятие
сжато до боли в ладони.

Видение второе

Огонь облизывает
в камине дрова.
Я сижу в задумчивости
в креслах,
возле моих ног
сыто дремлет моя собака —
борзая по кличке Виль.
Я зову её
на русский манер Филькой.
Рыжеволосая женщина
с нежной,
молочного цвета кожей
играет на фортепиано
короткие пьесы,

но я не вижу её лица.
Боже, я не вижу её лица,
у меня не получается
его рассмотреть!

Видение третье

Маленький стеклянный
флакончик духов
скользнул мимо кармашка
дамской сумочки,
упал и покатился
по мостовой
к моим оторопевшим ногам
Девушка настолько
была увлечена разговором,
что не заметила
этой мелкой пропажи.
Я осторожно
присел на корточки,
чтобы поднять флакон
и вернуть его
прекрасной владелице,
но не успел.
Две тёмные фигуры
уже скрылись
в сумраке летнего вечера.
Я был немного раздосадован
неслучившимся знакомством
и машинально
убрал руку в карман
и побрел восвояси.
Пара капель
ароматной эссенции
упали на шёлковый
носовой платок.

Так пахли райские яблочки.
Яблоки в эдемском саду.
Это было начало грехопадения.

Видение четвёртое

Она включила
виниловую пластинку.
Та, приглушенно хрипя
и потрескивая,
выдала наконец что-то вроде
Астора Пьяцоллы, Luna Caliente.
Горячая волна подкатила к горлу.
Она, как невидимые оковы
сбросив с себя платье,
осталась в струящейся по телу
шёлковой комбинации.
При магическом свете луны
её кожа казалась
неестественно бледной.
Она была словно сделана
из белого фарфора,
изящного и тонкого.
В этот момент я,
кажется, понял,
почему император
выбрал себе
в любовницы балерину...

Видение пятое

Он любил «картошку в шинели»
и женщин от Chanel
(№ 5, № 7,
в арифметической прогрессии).

Корона империи —
в кровь красная шпинель.
Адмиралтейский шпиль в небе
шпилькой в волосах девы,
но странное дело —
где эта дева теперь?!
В жизни тоже бывают пробелы,
у тех, кто отличает зёрна от плевел!

* * *

В Маяковского игры:
куплю фарфоровый Glock*,
пушу пулю в висок.
Тонкой струйкой наискосок
Бордо потечёт
по «главному» блюду.
Не услышу крик той,
что на ужин придёт.
Лилечка — Лялечка —
Милочка — Ниночка —
Кирочка — курочка —
служанка,
в конце концов!

* * *

Я лежал, раненный,
на травяной подстилке,
в сарае для скота
и, казалось, бредил!
Позже я прочитал
в каком-то
научно-популярном
журнале,

---

* Имеется в виду пистолет Glock 17 австрийской фирмы Glock.

что такое бывает,
что это воспоминания
о моих прошлых жизнях,
которые спонтанно
возникают,
когда человек находится
на грани жизни и смерти.

* * *

Днём была
нестерпимая жара,
и мне без конца
хотелось пить,
а ночью — холод,
который
основательно пробирал
до самых костей.
Черноокая худая женщина
безмолвно приносила мне
воды и лепёшек
на вонючем козьем молоке.
Однажды ночью
ко мне прибежала мышь.
Обыкновенная серая мышь,
которая благополучно живёт
в старых
хозяйственных сараях.
Она стала ловко собирать
хлебные крошки
с дубового настила.
Почти каждый день
наведывался мой товарищ
с хрупкой ампулой
пенициллина
в грязном кармане
цвета «американского рубля» —

значит, виделся
с санитаром Вороновым,
значит, «тяжелых» больше нет!
И служебная машина
в близлежащую
санитарную часть
ради меня одного,
естественно, не поедет!
Зачем же лишний раз
мельтешить
перед глазами у дудаевцев,
к тому же с «грузом триста»?!
— Здорово, брат! —
криво ухмыляется
мой «непутёвый ангел». —
Тут Воронов лекарство
эффективное тебе передал! —
размахивает товарищ
трёхкубовым шприцем
и тянет руки
к своему нагрудному карману.
— Ты прикинь, полевой госпиталь
чечены вырезали! —
обязательно делится Севка
последними новостями.
— А как так?
Разве такое может быть? —
удивляюсь я
безжалостной кровожадности. —
Там же раненые!

* * *

*Стрижи расстрижены
в монахи в пух и прах.
Стрижи расстреляны,
рубахи красны.*

*Расстреляны,
расстелены на снегу.*

Кречет

Гаврош —
известный персонаж
романа «Отверженные»
Виктора Гюго.
Он храбрый.
Он отзывчивый.
В нём бурлит жизнь,
но он трагически погибает
на парижских баррикадах.
Я так не хочу!
Все его зовут просто — Кречет.
На нём нет
никаких знаков отличий,
но все от мала до велика,
по количеству звёздочек
на погонах,
его уважают
и беспрекословно
выполняют его приказы
— Гаврош, скажи мне, —
обращается ко мне
мужчина средних лет,
седой, как лунь,
на посиделках
за банальной бутылкой водки, —
какая она, твоя война?
— Усталая! — оторопев,
произношу я
и, выдохнув, добавляю: —
Везде смерть
липкая и зловонная!

Вот она мне где
уже, эта война! —
стучу я ребром
раскрытой ладони по горлу.
— Не делай так никогда,
слышишь!
Так просят о помощи
глухонемые,
когда идут ко дну! —
умоляюще
произносит Кречет.
— Мы! Мы же идём ко дну!
Тихо и молча идём ко дну! —
кричу я, словно
слабослышащий глухонемому.
Нас быстро смаривает
от пол-литра,
и мы пусть и тревожно,
но засыпаем
на бетонном холодном полу
раздолбанной пятиэтажки.
— Хеликоптер найн!
Найн хеликоптер! —
кричит во сне
товарищ полковник.
Да, вертолёт за нами
не прилетит
ни сегодня, ни завтра.

* * *

*Не ищи меня
среди заросших могил,
освещённых луной.
Завернули в рубаху
прах чужой земли.
Замесили кисель на крови.*

*Лови губами,
слов на ветер не кидал!
Лицо умоет дождь —
как долго я тебя искал!
А фонари жгут небо до зари,
а небо не прощает нам долги.
Немая сцена:
встретились глаза,
а в небе
вертолётчик-стрекоза
летит, не знает,
что разобьётся.
А в воздухе повисла тишина,
повисла и рассекла мечом.
Из светлых глаз твоих
слеза упала искрой на плечо,
а в небе
вертолётчик-стрекоза,
рисуя мертвую петлю,
рискует.
Теперь он знает,
что не вернётся...*

* * *

Кречет беспрестанно курит
американские сигареты
с «верблюдом» —
смесь терпкого турецкого
и мягкого вирджинского табака.
Полковник всегда
показывает мне
забавные фокусы
с сигаретной пачкой:
— Гаврош, скажи мне,
дружочек,
сколько пирамид

здесь изображено?
Я усердно считаю,
а потом он находит
гораздо большее
количество
«треугольников»
в этой нарисованной
жёлтой пустыне,
чем называл я!
Мне становится обидно
как-то совсем по-детски,
я же не дурак!

* * *

Мы встретились с Кречетом
уже на Большой земле,
когда я был в Подмосковье
по одному,
не очень значительному, делу.
Предо мной
неожиданно предстал
совсем дряхлый старик,
с нетвёрдой тяжёлой походкой
и заметно трясущимися руками,
но гладко выбритый
и добротнo одетый.
Он приветливо протягивает мне
сигареты —
своего неизменного «верблюда».
— Товарищ полковник,
а я больше не курю! —
улыбаюсь я ему в ответ.
— Давно ли, мой друг? —
откровенно удивляется Кречет.
— Да как вам сказать?
Случилась со мной история! —

охотно поделился я
личной неприятностью. —
Сидел я в душном баре
за рюмочкой коньяка,
подошла ко мне женщина,
присела скоротать
томный вечерок.
И духи у неё были
какие-то специфические,
масляно-бензиновые.
Солярка для бэтэера,
честное слово!
И незаметно для себя
я неожиданно разговорился.
Мне даже показалось
приятным внимание
со стороны
этой очаровательной дамы.
Я после командировки
в «горячие точки»
чадил, как старый паровоз,
этого вашего
«корабля пустыни»,
поэтому не выпускал
сигарет из рук,
а она чему-то
загадочно улыбалась.
Я был одурманен
алкоголем, никотином
и странным запахом
навязчивого парфюма.
И больше не помню ничего,
ровно как проснулся утром
в своей смятой постели,
попытался закурить,
но не смог —
меня неожиданно затошнило.

В утреннем воздухе
витал аромат
тех самых «злых» духов,
которые были
накинута на плечи
моей вчерашней знакомой,
словно элегантная «пашмина».
Это всё ваши злые духи.
Это чёрные мысли, как птицы,
Что летят из флакона — на юг,
*из флакона *Nuit de Noë*»^{*}.*

Динка

Влажные сны у весны,
а у зимы и вовсе — умерли!
И каждый вечер
меня крепко лихорадило.
На то была довольно
веская причина —
не было писем из дома!
Жёлто-зелёным ростком
боль чахнет
на грязном
облупленном подоконнике.
Часы на стене
покорно замерли.
Казалось, что до весны
мне просто не дожить!
Я не видел тебя два месяца!
Я не видел тебя.
Раны на пальцах затянулись уже!
Балерины
в маховое перо сложены.

---

^{*} Из стихотворения Александра Вертинского «Злые духи»».

Неужели по телевизору
будем опять смотреть
этот чёртов
«Мерлезонский балет»?*

* * *

Обратный поезд
«Грозный — Москва».
Я машинально считаю
пролетающие мимо меня
столбы линий электропередач
и постоянно смотрю на часы.
А время всё так же
предательски тянется
утомительной, безвкусной
жевательной резинкой «Орбит».
В плацкартном вагоне зябко,
я кутаюсь в армейское хаки
чёрно-белых дней.
Пахнет угольной гарью.
Я пытаюсь перебить
утренний голод
горячим крепким чаем.
Мне тяжело,
грудь свинцом залита!
Я машинально растираю
грязными руками
уставшие глаза.
«Красные,
как у кролика-альбиноса!» —
метко подметила
одна пожилая дама
из соседнего купе.
Она любезно выдала мне

---

* Мерлезонский балет — неожиданный поворот ка-кого-либо действия.

носовые бумажные платочки,
которые оказались
с пропиткой из ментола.
Я пытаюсь унять слезотечение,
но все мои попытки бесполезны.
Боже, верни меня, прошу,
обратно в город,
где в губы меня целуют ветры!
Солёные глаза у моря.
Зелёные глаза у моря.
Твои глаза.

* * *

Я пришёл, а меня никто не ждал.
Те же облака над моей головой,
Так же затхло пахло в парадных,
Так же стёрты
лестничные ступеньки,
ведущие в твой дом,
к твоему порогу.
Я множил окурки
на лестничной клетке,
не решаясь позвонить
в высокую створчатую дверь,
но «ларчик» открылся просто.
На площадку выкатилась
тучная женщина
в грязном халате — твоя мать.
— Ну что, явился — не запылится!
Не сгинул в чеченском плену,
так здесь пойдёшь ко дну!
Да кому ты нужен,
калека полоумный! —
не скупилась на выражения
матушка.
— Динка, твой пришёл! —

крикнула она в лабиринт
коммунальных комнат.
Я протянул тебе розу,
похожую на ещё не запёкшуюся
свежую кровь,
карминово-красную.
Ты обожглась
об её острые шипы
и выронила цветок.
Твои выцветшие глаза
цвета травы осоки
молили
и кричали об одном: «Уходи!»
Я выбежал на улицу.
Облака так же бежали
над моей головой.
Я задышался.
Моё сердце
приказало мне: «Молчи!»
Всякая верёвка — удавка, всякая!

* * *

*Есть такая примета:
зверь, учуя охотника,
кипит от злобы.
Так тыдохнешь от злости
и невозможности «назад»!
Прости, я вперед,
потому что я сталкер,
исследую будущность
других миров!
Слёзы — осадками,
планета — шар,
колесо — круглое,
всякая верёвка — удавка, всякая!*

* * *

Ты приподнимаешь розу
с грязного пола,
с кафельной плитки
почти греческого орнамента.
Сквозь пыльные стёкла
пробивается лучик солнца
и тут же исчезает, будто остыв.
Твои бледные губы
нежно касаются алых лепестков,
а руки отправляют цветок
в новый полёт.
Ты ведь так хочешь
стремительно сбежать
по ступенькам,
схватить меня за плечи и
развернуть назад.
Но что-то держит тебя
на глубине твоих чувств,
как подводные лилии
в том холодном озере,
цепляют и тащат,
тащат на дно.
Двунадесятые*.
Каждая стрела
падает острием вниз.
Всякое стремится
к бесконечности,
или к восьмерке,
у смерти взяв реванш.

---

* Двунадесятые праздники — двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии, которые посвящены событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы

* * *

Большие вороны
висели на оградах
чёрными тряпками.
Я шёл вдоль старых могил,
протискиваясь в узкие проходы
между коваными оградами
с облупившейся кое-где краской.
Мужчины, женщины,
дети, старики
нашли здесь свой вечный покой.
Армия павших в борьбе
с самой повелительницей-судьбой
исчисляется сотнями тысяч.
Под её сияющим серпом
все травы сочны!
Только находясь
на унылых старых погостах,
начинаешь задумываться о вечности.
Холодный ветер
пронизывал меня насквозь,
проникая в самую душу!
Предательские слёзы душили меня!
Я пришёл на могилу моего отца.
Он так и не дождался меня
с этой проклятой войны.
«Гори, гори, моя звезда» —
потихоньку напеваю я
старинный русский романс.
— Папа, ты помнишь, —
нежно обращаюсь я
к отцовской могиле, —
что я однажды написал тебе
в каком-то ответном письме?
С неба звезда упала,
Значит, кто-то умер!

Чья-то душа отделилась от тела,
сорвалась и полетела...
С неба звезда упадёт,
и если это будет твоя звезда,
то я не проживу и секунды,
потому что твоя звезда,
падая, заденет мою!
Папа, папа, прости меня,
я не умер! Я живой!

* * *

Вечером, отогрев душу
от промозглого кладбища,
я долго,
словно под цыганским гипнозом,
смотрел на янтарный
отцовский мундштук.
Представлял, что тот хранит
в своем мёдово-смоляном теле
отпечатки его
длинных тонких пальцев,
пропитанных «желчью» табака.
Он был немым свидетелем
его страданий.
Я снёс его в ломбард.
Я не хотел его больше видеть.

* * *

Вы только представьте:
в начале бархатного сезона
прошёл
довольно обильный снегопад!
Я, проснувшись,
удивлённо выглянул в окно
и ослеп, словно только что

рождённый котёнок.
Я быстро собрался и поехал
на дачный участок,
чтобы проведать,
что сделалось
с нашим яблоневым садом.
«Квинти», «Мальт» и «Вадимовка»
упали
на тонкий стеклянный глетчер,
и лёд «взорвал» их яблочную суть.
Глостеры невозмутимо
продолжали висеть
на раскидистых крепких ветвях,
прикрытые зелёно-бурой листвой.

* * *

Друзья говорят,
что ты гуляющая девка,
что на тебе пробу ставить негде!
А я всё твержу им:
— Не ту страну назвали Гондурасом!
Не ту богиню — бл****!
Мы виделись после той нашей
последней встречи
лишь однажды,
случайно столкнувшись
в осеннем озябшем парке.
— У малышки твои глаза, —
с сожалением вздохнула Динка,
заглядывая
в прогулочную коляску с ребенком.
«Серые глаза — рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след...»° —

---

* Редьярд Киплинг The Lovers' Litany, перевод К. Си-
монова.

чуть не плача, шепчет она
до боли знакомые строки.
— Нет, глаза у неё мамины, —
задумчиво произношу я.
То была дочь моей сестры.
А ты, дурёха, решила,
что это мой ребёнок.

* * *

На прощание ты протягиваешь
свою холодную руку,
стараясь не смотреть мне в глаза.
Из ладони в ладонь
медленно сыпется
серебряная крошка
ажурной цепочки,
на конце которой
болтается мой кулон.
Здравствуй, мой ангел,
мой хранитель!
Я прошагаю на «ножах»
с тобой ещё с полмили,
потом возьму и рассмеюсь,
назвав прогулку милой.
Ведь ты не услышишь никогда
моё произнесённое одними губами,
слепое «БОЛЬНО!»

* * *

«Такая любовь, как наша,
не умрёт никогда!» —
вспоминаю я слова,
сказанные тобой на прощанье
перед моей предстоящей
отправкой в «горячую точку».

Я, словно дрессированный
говорящий попугайчик,
вторю твоим устам:
«Любовь не умрёт никогда!
Любовь не умрёт никогда!
Любовь не умрёт никогда!»
Такова была наша
«литания влюблённых».
А что теперь? Смысла нет!
Он утерян,
как багаж в Будапеште!
Монохромны цвета,
как в романе Ремарка.
Город пал, устояла лишь
«Триумфальная арка».
Франкл* в поисках смысла
раздает буклеты у метро.

* * *

Я лежу в постели
со своей памятью.
Она зла, как чёрт.
Она устала. Она спит,
с кожи испаряясь спиртом.
А за окном
уже брезжит рассвет,
вовсю работают
машины— «поливайки»,
стучат мётлами дворники,
словно у них «на фабрике» стачка.
Я встаю на ноги.
По полу катаются пустые бутылки.
Вот чёрт!
Сознание блуждает
по комнате

---

* См. В. Франкл «Человек в поисках смысла».

в поисках чего-то
и не может
ни за что зацепиться...
Боль пронзает
не только душу,
но и тело — меня «скручивает»!
Я хватаю со стола стетоскоп,
кладу чувствительную мембрану
себе на пульс. Гул в ушах.
Нагнетается давление.
Сердце стучит где-то в висках.
Раз, два, три — сбился со счета.
Бьётся — значит, ещё живой.
Память тоже не дремлет,
она садится на кровать,
скоро припоминая,
что было вчера, и кричит мне:
«Я ненавижу, ненавижу тебя!»
Я её почти не слышу,
а только медленно
съезжаю на спине
по холодной белой стене,
падая куда-то в темноту.
— Всё, приплыли! —
кричит мне память вдогонку.
Она резко встаёт с кровати,
бросается вперёд,
хватая меня за плечи:
— Не так скоро, дружок,
не так скоро!

Чара

Её зовут Чара.
Отец назвал её так
то ли в честь реки,

которая протекает в Забайкалье,
то ли в честь минерала,
месторождение которого
он в начале семидесятых
вместе с другими археологами
разрабатывал в этом суровом крае.
Однажды Чара рассказала мне
одну занятную историю
про своего знаменитого отца.
Как-то он отправился
в зарубежную командировку,
но не куда-нибудь, а в Париж.
Там он зашёл
в местный минералогический музей.
Лувр «хвастал»
полной коллекцией
всех минералов Земли.
Отец показал пластинку породы
сотрудникам музея
и попросил определить
этот чудесный
светло-пурпурный минерал.
Французы пришли в изумление,
потому что такого камешка
у них в наличии не было.
Ему предложили продать
столь редкий образец,
но геолог,
как истинный патриот, отказался.

* * *

Для меня ты —
всё ещё та маленькая девочка,
к которой я бегал на свидания.
Мы стояли
на самом последнем этаже,

вылущенном всеми ветрами,
и согревали друг друга в объятиях.
А когда я покупал
в цветочной палатке гвоздики,
то нёс их бережно,
прижимая к самому сердцу.
Для тебя это было трогательным,
для меня — обычным.
Я помню, как ты
всегда ожидала меня у окна,
которое выходило на дорогу.
Но однажды я не пришёл.
Ты проглядела все глаза,
а у меня появилась
новая, серьёзная,
как мне казалось,
любовь к ровеснице.
Это было
будто не со мной!
Злая старуха — война
отняла у меня не только эти,
но и другие воспоминания
моей безвозвратно
утраченной юности.

* * *

Я не смею бежать
по ленинградским проспектам.
Я прогулочным шагом
загляну в одну из
многочисленных пёстрых кофеен,
чтобы отравиться «ядом» —
кофе с амаретто.
Фортепиано — помпезности «крышка» —
в угол забилося, как белая мышка.
Сахар не сладок, кофе горчит,

чай «Завтрак»^{*} совсем не английский.
Портрет на стене улыбается мне
и подмигивает лукаво:
— Моя любовь горчит,
ты всё сама прекрасно знаешь!
— Я знаю всё сама прекрасно!
— Я не стою твоего тепла!
Я — отравы, как два пальца в рот!
— Неужели миндальный цианид?

* * *

Сейчас ты сидишь передо мной
в маленьком,
совсем не парижском кафе
и дрожишь, как осиновый лист.
— Присядь ко мне поближе,
я не кусаюсь, девочка моя, —
ласково произношу я.
Ты поднимаешь на меня свои
удивлённые глаза
и придвигаешь свой стул.
И я понимаю, что из маленького
симпатичного котёнка
выросла хищная кошка.
Отрастила длинные коготки,
нацепила цветные линзы,
якобы чтобы не носить
«уродливые» очки.
Ты трепещешь в моих руках,
словно беспомощный мотылёк.
— Давай я угощу тебя
вином... ммм... красным?
— Мерло, пожалуйста, —
прошу я любезного официанта.

---

* «Английский завтрак» — смесь сортов индийского (ассам), цейлонского и кенийского чаев.

* * *

— Какого цвета мечты? — спрашиваешь ты,
осторожно заглянув в мои глаза,
будто в глубокий тёмный колодец,
на дне которого лежит золотой ключик
от моего сердца.

— Цвета свободы! — оживлённо восклицаю я.
Твои глаза умоляют: «Так потанцуй со мной,
потанцуй со мной взглядом!»

— Так зачем же что-то искать,
когда вот оно, рядом? —
наигранно невозмутимо произношу я.
Ты, улыбаясь, цедишь терпкое вино
из тонкого прозрачного бокала.

* * *

Какого бога мы в объятиях друг друга?
Какого чёрта утро в окна рассветом?
Какого черта? Какого бога?
Я быстро одеваюсь и ловлю себя на мысли,
что это армейская привычка.
Потом беру с журнального столика
недопитую бутылку красного
и делаю смачный глоток
из золотисто-коричневого горлышка.
Ты ласково, но с укором смотришь на меня.
Я не знаком тебе? Кто я такой?
*Кто я такой — наркоман,
алкоголик, бродяга?
Женщины смотрят в глаза мне
и плачут от жажды.
И половина из них
читит меня как героя,
Другие же чтут
как отъявленного негодяя*.*

---

* из песни А. Васильева «Нечего делать внутри».

* * *

Весна. Уже цветной,
но ещё черно-белый фильм.
И я объявляю тебе любовь
режу дороги на встречные полосы.
В моём горле першит
медовый першинь,
но перечень вопросов к тебе не иссяк!
И я забиваю гвоздь в косяк —
сегодняшний день ушёл за ворота,
а завтра за ворот рубахи меня повесят
за воровство чужих сердец.

* * *

Тебе меня не понять,
со мной сложно!
Предпочитаю лимонам лаймы,
чаю — кофе и наоборот.
Приготовленные тобой блины
скармливаю собакам,
чтобы не дошли от голода и холода!
А ты обижаешься,
прячешь глаза в воротник
и молчишь,
думаешь: «Вот неблагодарный!»
А я жалею этих хвостатых приятелей!
Чёрт бы их побрал с их глазами, полными
глубокой тоски и невыносимой боли!
Все псы попадают в рай —
звучит как аксиома,
никем не доказанная.

* * *

— Салага ты,
с женщинами совсем

не умеешь обращаться! —
неожиданно заявляет мне Чара.
В это время я страстно целую её,
пытаясь снять платье.
— Женщина — она, как гитара,
поёт только в умелых руках! —
продолжает она.
— Где же мне было
нежностям-то учиться? —
горячо шепчу я тебе на ушко.
И уже восстановив
своё сбившееся дыхание, говорю:
— Я не салага, я — солдат!
Я свою Родину защищал,
подставляя голову под чеченские пули!

* * *

Не ищу я ненаглядную мою!
Я тебя хороню
глубоко в памяти
точёной фигуркой
из слоновой кости.
И только скрежет зубов
от бессилия и злости —
заколочены окна,
забор цвета сорной травы...

* * *

— Бабы на войне —
это товар особый, —
рассказывает мне о премудростях
ратной жизни товарищ полковник. —
Не женщины, а именно бабы! —
подчёркивает Кречет,
видя мои округлившиеся глаза. —

На каждую одну особь женского пола
приходится целая рота мужиков,
жаждущих любви.
И без внимания не останется
ни одна, даже Баба-яга!
Они ведь, стервы, ясное дело,
Ищут, где потеплее да послаще!
Мы выпили медицинского спирта
из бледно-зелёных
металлических стаканов.
— Гаврош, хочешь знать,
из чего ты сейчас пил?
— Ну из чего?
Из рюмок из походных!
Из чего же ещё? —
верчу я «фужер» в руке.
— Из римских стаканов-то?
Нет, парень,
из предохранительных колпачков,
которые стоят на взрывателях
минометных мин! —
ухмыляется товарищ полковник,
закусив ароматным,
подтаявшим салом.

Эсма

Ты — яд, который по венам
пытается добраться до сердца,
отравляя всё на своём пути!
Каждую клетку моего тела
старается присвоить себе.
Эта история случилась со мной
в моём боевом прошлом.
Мы прочно застряли в Ханкале,
как бы сказал товарищ полковник,

«без цели и без женщин».
Нас кинули на подмогу спецназу
для зачистки одного из жилых домов
в посёлке городского типа.
Из поступившей информации следовало,
что на местности засел наркоторговец.
В одной из тёмных комнат,
куда уже ступила
нога молниеносного спецназа,
жалась в грязную
покорёженную стену
юная смазливая наркоманка.
Её ощутимо трясло
то ли от холода,
то ли от наркотического отходняка,
будто она сидела
на огромной глыбе льда.
Севка посмотрел на неё
презрительно
и, хмыкнув, вышел
за чудом сохранившуюся
в этой нарастающей разрухе дверь.
— Достань хотя бы «кассету»!* —
прокричала она мне на прощание. —
Сочтёмся, дорогой!
Её отчаянный голос
звенел у меня в ушах
стотысячным колокольчиком.
В голове мелькнула мысль:
«Просекла, стерва,
что сердце-то моё дрогнуло!
Ну да ладно! Достану девахе
чуть-чуть порошка,
чтобы только
не скончалась от ломок».

---

* Кассета — вощёная бумажка с любой дозой героина.

Вот как рассуждал я.
А что будет потом,
меня не должно волновать!

* * *

Но мы умирали
не за честь и свободу,
А за ваши героин и нефть,
Героин и нефть, героин... —
всплывают в памяти
строчки из армейской песни.
Воровато оглядевшись по сторонам,
я достал из кармана перочинный нож
и разорвал
чёрный полиэтиленовый мешок.
Затем взял на кончик ножа
что-то серовато-белое на вид
и поднёс его к носу.
Запах оказался
резким и неприятным.
Я свернул
клочок газетной бумаги
в маленький конвертик
и ссыпал туда эту отраву.
Всё, поддела было сделано,
оставалось только его доставить.

* * *

Эй, ты где? —
пробирался я на ощупь в дом,
где электричество и газ
«отрезало» уже давно.
Но уже на лестнице
почувствовав запах
сладковатой гари,

я пошёл на этот дымный след.
Посреди разрушенной комнаты
девушка развела большой костёр
из остатков паркетной доски.
Она сидела к пылающему огню
совсем близко, её колотило
беспощадно и лихорадочно.
Я сел напротив на шаткий стул,
который она ещё не успела пустить
в «производственный» расход.
— Ну что, солдатик,
сын старой оловянной ложки,
принёс мне гостинчик?
А то я грешным делом подумала,
что обвёл меня вокруг пальца! —
произнесла девушка
со злорадной усмешкой.
Я молча протянул ей конверт
с проклятой наркотой.
Она вырвала его из моих рук
и, избавившись от ненужной бумажки,
с неприкрытым вождением
начала втирать грязный порошок
в свои нежные дёсны.
Мгновение, и её лицо
преобразилось,
стало умиротворённо-спокойным,
губы растянулись
в блаженной улыбке.
Игры огненных языков пламени
отразились на её милом лице,
в глазах запрыгали весёлые чёртенята.
— Коротко стрижете, барышня,
ответы, волосы, газоны! —
едва успеваю произнести я.
Девушка резво вскакивает
со своего нагретого места

и бесцеремонно плюхается
ко мне на коленки.
Я сомлел, почувствовав
знойный жар её дыхания.
А когда мои губы
коснулись её влажных губ,
окружающий мир
перестал существовать.
Стул развалился под нами,
не выдержав
нашего неукротимого пыла.
Костёр медленно догорал
в холодной южной ночи,
а на стенах плясали
наши бесплотные тени.

* * *

*Осталась одна пуля,
в дуле замерла.
Сталь холоднее железа,
а может мы холоднее стали?!
Невесна. Корабельную сосну
янтарит луч, взглядом смолит.
Была бы любовь в душе—
не спеклась бы у рта кровь,
был бы май, мир, труд!
Но не ждут, тут не ждут!
А я и не еду.*

* * *

Рассвет режет горло петухам
зрачком альбиноса.
Пробуждение было жестоким.
Мало того
что моя новая знакомая

оказалась нечиста на руку
и свистнула мой «Калашников»
и ещё пару лимонок,
так ко всему прочему
на улице совсем не театрально
развернулись действия
боевого характера.
Пустынная улица
вмиг превратилась
в старые пыльные декорации,
словно из американского боевика,
только местного разлива
и со мной в главной роли.
— Не вешай носа! — успокаиваю я себя —
Не вешай носа в петлю дверную!
Из любопытства в мышеловку
только мыши за сыром, бесплатно!
Мне ничего не оставалось,
кроме как ползти до своих на брюхе.
Я проклял всё: её, себя,
окаянную дурман-траву!

* * *

Без имён-фамилий —
Они останутся за кадром,
ножи прячут за спинами,
жалами жалят безжалостно!
Не на кого положиться,
только положить голову на плаху!
Стена, ещё одна стена,
здесь я нахожу
своё временное,
пусть и не очень
надёжное убежище.
Пули свистят
над моей дурной головой,

деревянный забор
разлетается в мелкие щепки,
пыль стоит столбом.
Я, как рыба, ловлю ртом тяжёлый
горячий воздух.
Со стороны блочных пятиэтажек
раздаётся ответный огонь.
Моё сердце замирает
от этих звуков —
наши отбиваются.
Вот бы мне сейчас к ним,
оторвались бы
на чеченах как следует!

* * *

Позже, справившись
со всеми невзгодами и тяготами,
которые были спровоцированы
данной ситуацией,
я вспоминал ту свежую,
более чем лаконичную надпись,
которую ты оставила
на входной двери.
Всего четыре буквы — ЭСМА,
написанные погасшим угольком
из вчерашнего ночного костра.
Трава травит меня абсентом.
Когда встречи сродни случке,
ты домой приходишь в юбке,
я — с желудком наизнанку!

* * *

Я убью тебя меееедленно! —
говорила Эсма в пустоту,
глядя в оптический прицел

винтовки типа «винторез»
9-миллиметрового калибра. —
Я люблю тебя, слышишь!
Я люблю тебя, и поэтому
буду убивать тебя медленно!
Сначала я прострелю тебе ногу,
обещаю целиться
в чашечку коленную,
потом во вторррую,
а на десерт оставляю
самое ценное для тебя!
Ты не бойся, я хорошо стреляю,
у меня разряд по стрельбе,
я не промахнусь!
Я не подведу тебя, малыш!
Это только сначала
умирать страшно!
Я подарю тебе счастье,
лестницу Иакова,
которая ведёт на небо!
Тебя уже ждут
ангелы с белыми крылами!

* * *

Она не помнила своего
настоящего имени,
здесь оно ей было и не нужно.
Боевики звали её Эсма,
что означало «возвышенная»,
хотя ни капли
мусульманской крови в ней
не было!
Это имя только и указывало на то,
что она была на голову выше
других пленных,
а может, и на две головы,

на войне голов-то не считают,
они здесь только так летят
с плеч долой.
Русской она была
лишь на одну половину,
а на вторую —
типичной украинкой,
родом из маленького,
Богом забытого хутора,
где основным занятием
населения было
употребление горілки з перцем.
А в Чечню Эсма попала случайно.
Девка она была красивая и статная,
подружки завидовали,
мужики смотрели
с неприкрытым вожделением,
а тут удачно подвернулся
«удобный вариант»
не только безвозвратно уехать
из этого ненавистного Крижопіля,
но и неплохо заработать
приличных в ту пору барышей.
«Поработать» пришлось
сначала рядовой шлюхой
на базе у чеченских боевиков.
Моджахеды измывались изошрённо,
как только могли.
Девушка держалась стойко,
выполняя все прихоти
своих мучителей.
Терпеливо выжидала,
надеясь на скорый побег.
И однажды
тот самый час «икс» настал.
В этот прекрасный день
был какой-то большой

религиозный праздник.
Все правоверные мусульмане
сидели в мечетях
в молитвенных позах,
как призывал
их печально-тягучий «азан»
старого муллы со стройного минарета.
Эсме довольно ловко
удалось удрать в открытое окно.
Машина марки «Лада»
цвета «вороний глаз»
была припаркована прямо
у кирпичного дома
и зловеще зияла
своими тонированными стёклами.
В этом автомобиле её и
привезли прямо сюда
с местного вокзала.
Девичье сердце
вмиг превратилось в заячье,
оно бешено, нервно стучало,
обходя обыденный ритм,
а «сторожевой» в засаде,
криво ухмыляясь,
внимательно наблюдал,
как русская пленница
в поисках укрытия
горячечно мечется,
как секундная стрелка
в циферблатном круге.
— Мы не разбиты на квадраты,
я ухожу по горизонтам! —
бессвязно твердит она
в крошечную темноту южной ночи.
— Полынь! — лениво разминает в руке
листья пряной травы
бесстрастный «сторожевой». —

Молоко у коров опять будет горьким!
Город спит.
Бессмысленно обыскивать пустоту.
Испуганная девушка, как собака,
жмётся к чужим коленкам,
но не находит
спасительной отзывчивости
в сердцах редких прохожих,
идуших мимо с немым безразличием.
— Какой ещё приём карате
ты знаешь, город? —
бормотала она,
совершенно
обезумевшая от страха.
Опустошённость пришла быстро,
никто из местных жителей не посмел
приютить беглянку.
Они прекрасно знали,
что за этот великодушный поступок
им грозит суровое наказание.
Эсме неминуемо
пришлось вернуться
обратно в бандитское логово.
Наказание было суровым,
девушку
показательно жестоко избили
и кинули в земляную яму,
чтобы неповадно было другим,
таким же рабыням, как и она.
В земляной сырой темнице
Эсма провела двадцать один день
вместе с мужчинами,
такими же
измученными и бесправными.
Боевики рассчитывали,
что грязные и голодные мужики
растерзают её,

как бешеные псы блудную суку,
но девушку не тронули.
Измученную Эсму
подняли на поверхность
по приказу «баши»
и доставили к нему «на ковёр».
Девушка командиру приглянулась,
он предложил ей
работать на него, став снайпером.
Эсму учили стрелять
по живым мишеням
в тренировочном лагере.
Она плотно жмурилась,
руки нервно дрожали,
но чем больше промазывала,
тем больше мучилась
её несчастная жертва.
Потом от осознания
безысходности своего положения
девушка добровольно села на иглу
и стала работать за дозу.
Эсма прекратила мандражировать,
руки наконец-то перестали «плясать»,
девушка хорошо усвоила эту науку:
левый глаз прицельный,
правый палец спусковой.
Так она оказалась по ту сторону фронта.

* * *

Накануне выполнения
последнего задания
Эсма купалась в горной реке
с куском хозяйственного мыла,
которое дал ей полевой командир
вместе с бельевой верёвкой,
тем самым определив её жалкую участь.

А сколько она для него сделала!
Приклада на «зарубки» не хватит!
Теперь она должна была выполнить
свой «священный» долг,
а затем умереть,
если не подстрелят
федеральные войска.
Холод пробирался под кожу,
заставляя непроизвольно дрожать
и клацать зубами.
Она тщательно намылила
своё хрупкое, изуродованное
войной и героинем тело.
Запах мыла защекотал носоглотку,
и она про себя усмехнулась:
«Тоже мне камэй а-ля франс,
а чего ты ожидала, дорогая,
аромата горной лаванды
или нежных эдельвейсов, что ли?
Это война, детка,
и ты её невольный солдат!»

* * *

Кажется, её вычислили.
Надо было уходить, но куда?
Чеченским боевикам
она была не нужна,
и ей это ясно дали понять.
Русские же убьют её, наверное,
с особым наслаждением!
Смерть неминуема!
«По ночам у меня режутся зубки
и плачу ребёнком,
волчонком скулю!
Прошу пулю — сладкую пилюлю
у богини луны и охоты!» —

обращается к небесам Эсма.
Пуля стремительно
прошивает спину,
жжёт горячо.
«Улыбаюсь, мне не страшно!
Ангелы! Но где же ангелы?
Ах да, это теперь самолёты!
Пахнет сырой землёй,
свежими могилами!
А я своими руками
рыла эти могилы!» — шепчет она
в предсмертной горячке.
Её нашли лежащей на животе,
с ранением в лёгкое
и с торжествующей улыбкой на лице.
Такой я её и запомнил — улыбающейся.
У меня не было ни злости,
ни ненависти к ней.
Икар о небо разбился,
не смею плакать —
соль на щеках очевидна!
Лес упирается
частоколом чёрных стволов
в синюю поднебесную высь,
непонятная боль утраты
впивается частоколом стрел
в мою грудь.
Ничего не поделать,
Видно, таков уж был её путь!

* * *

Верба прощения,
но нелегко даётся твоё имя.
Молоко в венах ещё не остыло.
Чайки за окном плачут,
и без разницы,

какое плечо,
правое или левое,
у нелюбимых.
Реки уснули.
Я каждую ночь
сражаюсь с тобой на татами.
Утром реки проснутся ручьями.
Я каждую ночь умираю
с тобой на татами.

* * *

Я не помню
этот город без тебя,
где асфальт лижет пятки
шершавым языком дорог,
где по твоим ладоням
я читаю маршрутный лист.
Мне на секунду показалось,
Что у меня до неё
никого не было.
Но и её не было.
Я не могу не думать о тебе.
Июльские молочные сумерки
окутали город,
Луна упала в темноту
дворов-колодцев
и покатилась серебряным пятакom
в ближайшую чёрную лужу.
Сотни барж идут через
разводные мосты.
А я опускаю тебя
тихонечко в «прорубь»,
где зима минус тридцать
и дети играют в снежки,
где снега не нужно просить
ни в аванс, ни взаймы...

Логопсих

— Сыночек, как же так? —
заботливо спрашивает меня мать
и смотрит пытливо
своим мягким
золотисто-зелёным взглядом.
— Мама, я сам хотел туда попасть! —
неожиданно для себя произношу я. —
Не познав войны, я бы не знал мира!
— А что ты будешь делать?
Что ты сейчас будешь делать?
— Пойду работать
или учиться поступлю!
Сейчас вроде бы набирают
на экспериментальный курс
на факультет совсем юной ещё
науки — психологии, —
пытаюсь успокоить
её, разволновавшуюся.
— А что ты будешь делать
со своим израненным сердцем
и истерзанной душой?
Я только уклончиво промолчал...

Тени

*В моих глазах
то рыбы, то мыши!
Вы, господин профессор,
тряпку распластав на ладони,
сравниваете её с корой
мозга головного!*
— Что такое тень? —
задаёт профессор Князев вопрос
затихшей аудитории.

— Неотчётливое очертание фигуры! —
выкрикивает с места студент Петров.
— Нет, это силуэт, —
поправляет его преподаватель.
— Место, защищённое от солнца, —
отвечает Иванова.
— Хо-лод-но! — потирает руки Князев.
— Краска для век, —
предполагает Смирнова.
— Ох уж эти женщины! —
театрально вздыхает лектор.
— Призрак, привидение! —
предполагает Мальцев.
— Не нужно мистики
молодой человек! —
невольнo улыбается профессор. —
Но коли уж зашла об этом речь,
расскажу вам про Понтия Пилата.
Его призрачная тень
обычно появляется
в Страстную пятницу
на горе Понтиус в Женеве.
Понтий Пилат,
облаченный в пурпурные одежды,
стоит на сверкающей вершине
альпийской горы
и с вселенской тоской
смотрит на землю.
Встреча с угрюмым прокуратором
сулит большое несчастье.
Ну что? Может ещё кто-то
попробует поведать нам о тени? —
вопрошает к аудитории учитель.
— Это отражение в движениях лица
внутреннего состояния, — отвечаю я.
— Близко, близко, но не совсем! —
кивает Князев одобрительно. —

Тень — это одна из метафор
тёмной стороны человека, —
увлекательно повествует он. —
Это именно то начало,
которое обычно
умышленно пропускается,
намеренно отвергается.
Тень — это своего рода
астральный двойник.
Её можно рассматривать
как вместилище
и прибежище
человеческой души.
Многие поэты и писатели
обращаются к тени
как к некоему символу,
олицетворяющему
особенности
душевного состояния.
Они проводят
порой удивительные
и даже противоречивые
параллели.

* * *

В своей обычной жизни
я несколько раз
«нос к носу», так сказать,
сталкивался с этими
призрачными тенями.
Кто это были?
То тени прошлого,
то тени сомнения,
а то и вовсе тени,
наполненные совсем уж
мистическим содержанием.

История № 1

Довелось мне
в ханкалинском селении
присутствовать
на мусульманских похоронах —
проводили отцов двух семейств —
Ревкаите и Саида.

Мужчины
в разноцветных тюрбетейках,
пришедшие на похороны,
подхватили деревянные носилки
с телами усопших,
завернутыми в молитвенные коврики,
украшенные золотой арабской вязью,
и побежали трусцой
в чуть забрезжающий рассвет,
как будто за ними гнались
души умерших.

Та самая черноокая худая женщина,
которая приносила мне воду и хлеб,
проникновенно-грустно запела:

О, смертоносная пуля,

Застрявшая в сердце.

Ты сразила меня.

Поседела сестра моя.

Нет на свадьбах друга.

Но я повелевал тобой,

Как верной рабой,

Направляя тебя

Своей твёрдой рукой!

О, земля чёрная,

Нет тебя милей.

Ты укроешь мой прах,

Но я топтал тебя

Копытами скакуна!

О, враги мои лютые,

*Вы пьёте вино.
Но вы ведь дрожали,
Услышав имя моё!
О, красавицы гордые,
Луноликие девы,
Меня вы забудете
В танцах с другими.
Не вы ли милые,
Жили с надеждой,
Что я украду вас
Ночью лунной!*

История № 2

Февральский морозный день.
Голуби воркуют,
на карнизах целуются,
счастливые влюблённые.
Мне жалко их,
рву сердце на «валентинки»,
хочу быть заколкой – «невидимкой»
в твоих волосах.
Февральский морозный день.
Голуби воркуют,
на карнизах целуются,
несчастные влюблённые.

* * *

— Расставание,
что может быть ужасней
для двух влюблённых? —
вздыхает пациентка,
которая поведала мне

---

* М. С. Шовхалов «Чеченские легенды и короткие рассказы».

эту мистическую историю.
У неё внезапно поднимается
чудовищно высокая температура.
В то жаркое лето девушка спала
не иначе, как завернувшись
в тёплое ватное одеяло
по причине ужаснейшего озноба.
Её мать,
непреренно решив порадовать дочь
чем-нибудь вкусненьким,
покупает на местном рынке чернику.
Но уже первая ягодка
показалась девушке пресной на вкус,
а после ещё парочки
иссиня-чёрных ягод
«лесной десерт»
стал и вовсе безвкусным.
С этого «прекрасного» дня
ничего уже не имело особого значения,
сердце щемило
от сильной душевной боли.
Однажды ночью
ей приснился любимый,
он был какой-то неестественно весёлый.
Так может смеяться только мертвец —
человек не обременённый
земными тяготами!
«Покойник!» —
промелькнула ужасающая мысль.
Суженый же
только присел на краешек постели
и очень ласково,
словно маленького ребёнка,
погладил её
по растрёпанным волосам.
А затем, на прощанье
подоткнув широкое пёстрое одеяло,

просиял своей безупречной улыбкой
и растаял в ночи
белой призрачной дымкой,
как от погасшей свечи.

История № 3

Однажды очередная моя пациентка
в ночь перед страшным пожаром,
случившимся в её квартире,
была напугана
тёмной призрачной фигурой.
Таинственная тень явилась женщине
в комнате, где та обычно почивала.
Зловещая фигура сначала
грозно нависла над спящей,
а потом стала
мучительно медленно её душить.
В этносе чувашского народа
подобные чёрные тени
называются вупарами.
Вупар обладает
уникальной магической способностью
превращаться и в людей,
и в домашних животных.
По древнему поверью,
он обычно тяжело наваливается
на беззащитных спящих людей,
вызывая у них
мучительные кошмары
и внезапные удушья,
а ещё, не дай бог,
болезнь какую наслёт неизлечимую!
А однажды вупар
по своему злему умыслу
напал на солнце,

что привело к полному затмению,
но это совсем другая история,
как говорит Леонид Каневский
в своей телевизионной передаче
«Следствие вели».

А сейчас вернёмся всё же
к моей несчастной пациентке.
— Я отчётливо ощутила,
как сомкнулись невидимые пальцы
на моей несчастной шее,
но не могла не то что закричать —
даже мизинцем пошевелить! —
описывала мне
это поистине
странное происшествие
испуганная женщина. —
Видимо, я обидела
старичка-домовичка —
сидела спиной к печи, —
тревожно запричитала она, —
Неуважение своё выказала!

По дорогам сна

*По дороге сна — тихий звон подков,
Лёг плащом туман на плечи,
Стал короной иней на челе.
Остриём дождя, тенью облаков —
Стали мы с тобою легче,
Чем перо у сокола в крыле*.*

* * *

Он любил крепкий, сладкий чай.
«Корона российской империи» —

---

* Из песни гр. «Мельница» «Дорога сна».

кажется, так он назывался.
А она любила отхлёбывать
этот горячий, ароматный напиток
из его чашки,
сидеть вместе с ним и молчать,
слушая его хриплое дыхание,
смешанное с ядрёной махоркой
и мшистым шипровым одеколоном.
*Из твоей чашки пить чай,
курить и молчать в окно.
Весна, за окном темно,
французят нос сквозняки* *.
Там был какой-то особенный
чайный купаж, выращенный
на высокогорных плантациях
острова Шри-Ланка.
Горный воздух,
тёплый тропический климат
и красные ферралитные почвы
«одарили» напиток
насыщенным медовым вкусом
с лёгкой горчинкой.

* * *

Она никогда не понимала,
как можно спать,
укрывшись колючим
шерстяным одеялом,
уйдя с головой
в безмятежное царство сна.
А потом сама
стала спать и зимой и летом
под тёплым шотландским пледом.

---

* Из песни Д. Арбениной «Москва — Питер — Москва».

В детстве она разучивала песенки
на «Соловухе»
потом пересела
на фортепиано «Ласточку».
Она задумчиво смотрелась
в потрескавшиеся от времени зеркала,
угадывая в них то Одетту, то Одилию.
Когда речь заходила о замужестве,
она коротко отвечала:
«Ты первым узнаешь об этом!»

* * *

Однажды
она сидела на коленках у деда,
прилаживая лоскутки цветастого
павлово-посадского платка
к его белой рубаше,
словно готовила
какой-то особый,
праздничный костюм.
— Деда, а можно я буду
твоей невестой, а?
Ну понарошку!
— Угу! — улыбается дед
и переворачивает
широкую страницу
свежей газеты, бегло ловя
чёрные букашки букв.
— А знаешь, у меня была невеста, —
начинает он свой рассказ,
откладывая в сторону
шуршащую бумагу.
Это было после войны
на янтарном берегу.
— Деда, а что такое янтарный?
Это сыр такой, да?

А берег — он из сыра был,
как в сказке про молочные реки
и кисельные берега? —
расспрашивает
с любопытством внучка.
Дедушка, смеясь, уточняет,
что янтарь — это камень такой,
похожий на застывший мёд.
— Доната, так звали девушку, —
продолжил он, —
решила посмотреть
на красивый большой город
со смотровой вышки.
Ах, как она была хороша
в свете заходящего солнца!
Мягкие тени невесомой
золотисто-розовой вуалью
ложились
на её прелестное лицо.
Ах, как мне захотелось
поцеловать её!
Я приблизился к её манящим
нежно-розовым губам,
а она оттолкнула меня.
Я от неожиданности
не удержался на ногах
и неизбежно рухнул вниз.
Все кости, наверное,
себе пересчитал!
Очнулся уже поздно ночью,
Слава богу, ничего себе не сломал.
Кровь только носом пошла,
разбил, значит, нос-то.
Глубокая заноза — алая роза.
Пламя костра
обнимает полено,
как рука колено.

*Сердце отрицает любовь
как листок почку.
Ночное. Снайпер в одиночку
ищет огневую точку,
чтоб чиркнул спичкой часовой
на Спасской башне.
Последний танец гарцевал
и дивный вечер
вспоминал вчерашний.*

* * *

— Изначально все розы
были белыми, как молоко,
и свежими, как утренняя роса.
Они появились на свет
вместе с богиней любви
из морской пены.
Богиня, любясь цветами,
уколола руку острыми шипами,
и от этого розы
сделались красными.
В стародавние времена
о своих чувствах говорили
только на языке цветов.
Гонец, доставивший
любственное послание,
карался смертной казнью, —
рассказывал дедушка внучке
красочные непридуманные истории.
— А если при нём не было писем? —
искренне удивлялась девочка.
— Он сам был
таким бесценным письмом!
Алая роза символизировала
вечную любовь и преданность, —
продолжал он свой рассказ.

— А та богиня умерла, да? —
неожиданно спросила внучка.
Дед недоумённо посмотрел на неё.
— Ну как же? Спящая красавица,
уколовшись веретеном,
заснула мёртвым сном! —
объяснила она.
— Богини бессмертны.
Они живут высоко в горах.

* * *

— У меня сестра умерла!
Я прошу тебя,
помолись за неё в храме!
Я знаю, только ты сможешь! —
звонит мне подруга среди ночи.
Нет, это у меня она умерла!
Не веришь?
Верь, я прошу тебя, верь!
Я безумная в этой белой рубашке.
— А почему ты сегодня в белом? —
спрашивает любопытная соседка.
— У меня траур! — холодно отвечаю я.
Я стою посреди храма
и читаю молитву,
ставлю свечи и цветы гвоздики
к иконкам в золочёных рамах.
Но в поминальной записке
не имя твоей сестры.
«Ксения» — выводит имя
моя послушная рука.
О, Господи, кто же ты такая?
О, Боже, я, кажется, знаю!
Я знаю! Это же я!
Моё первое лицо,
моё первое воплощение,

моя сестра Одиллия,
или всё-таки я — Одетта?!*
Я уже запуталась!
— Просто не хватило воздуха!
Кислородную маску бы! —
сокрушался тогда дедушка.
Я испугалась
померанцевой горечи
в его словах.

* * *

Война в Чечне.
Они сидели у телевизора,
не пропуская
ни одной новостной сводки.
Переживали, яро обсуждая
происходящие события.
Павел Шеремет и Дмитрий Завадский —
спецкоры от Первого канала,
тогда ещё ОРТ — Общественного
российского телевидения —
рассказывали об этой
бессмысленной
кровопролитной войне.
Они были для неё такими
Героическими, что ли...
Она «пила» с их губ слова
и мечтала стать журналистом!
Потом они сидели у того же экрана
и вместе со всей страной наблюдали,
как в холодной водной пучине
Баренцева моря тонет
атомная подлодка «Курск»,
как бравый капитан Колесников

---

* *Одетта и Одиллия — героини балета «Лебединое озеро» на музыку П. И. Чайковского.

сломанным простым карандашом
на смятой пожелтевшей бумаге
пишет прощальное
письмо своей жене:
*А когда час придёт умирать,
Хотя мысли такие гоню,
Мне придётся тогда прошептать:
«Родная, тебя я люблю!»**
А потом было много
крепкого растворимого кофе,
оставляющего коричневые липкие
круги от чашки
на белой скатерти стола.
И молчание, молчание, молчание,
которое оба
просто боялись нарушить.
Потому, что было больно
да и просто обидно
за моряков, за их жён и детей,
за всю нашу огромную страну!

Сон № 1001

— Знаешь, мама,
мне приснился тревожный сон,
где деда сказал,
что уйдёт в понедельник! —
мучительно подбирая слова,
рассказывала дочь матери
про своё странное видение.
— Вот и ещё один понедельник про-
шёл! —
облегчённо вздохнула на кухне бабушка.
Нет, не тут-то было!
Теперь будет много понедельников,

---

* Из записки капитана Д. Колесникова жене Ольге.

но без него,
равно как и вторников,
но «воскресений» уже не будет!
*Он не дожил до ста
семь бесконечных лет,
он устал,
в мире была зима...**

* * *

Да, он устал, а мы осиротели,
даже деревья без тебя
в «зелёном раю»
ощутили эту
невосполнимую потерю!
Ты устал. Банкротство души.
Так рано прокричали петухи
и часы остановились на...

Сон № 1101

Одна известная актриса Марина Г.
на взлёте своей карьеры
погибает в нелепой автокатастрофе.
Безусловно,
она видела её киноработы
и потом, узнав о гибели
актрисы в новостях,
отметила про себя:
«Как жаль, какая женщина!»
Той же ночью ей снится
удивительный сон.
Звонит отключённый телефон,
она снимает трубку,
а из чёрной мембраны

---

* Из стихотворения Д. Арбениной «До ста».

звучит её, Маринин, голос!
— Прошу тебя, девочка,
последи за моей
единственной дочкой!
Будь её ангелом белокрылым! —
хрипит горлом мембрана.
— Но... я даже не знаю,
где она живет...
Я даже имени её не знаю! —
беспомощно
оправдывается девушка.
Ответом служат лишь
короткие гудки.
Они сливаются в один
невыносимый гул,
который взрывает
реальность сна яркими искрами...

* * *

— Я не буду спать!
Все мои сны сбываются! —
серьёзно заявляет мне девушка
с именем, похожим на древний миф.
— Я не буду спать!
Мои сны сбываются! —
настойчиво повторяет она.
Так и все? — неподдельно удивляюсь я.
— Все-все! — заверяет она.
— Чтобы сон нечаянно не сбылся,
утром нужно посмотреть в окно
и про себя сказать:
«Куда ночь, туда и сон».
Если мне снится что-то страшное,
я так и поступаю.
Чаще всего от беспокойства
и нарастающей тревоги

не остаётся и следа.
Пробуйте! — как можно дружелюбнее
произношу я.
— А ещё мне покойники снятся!
— К себе, что ли, зовут?
— Нет, вы не поняли.
Вы не поняли меня!
Они разговаривают со мной,
просят оказать им
последнюю услугу.
— И вы внимаете их просьбам?
Родственникам, небось,
рассказываете?
— Что вы?!
Мне же никто не поверит! —
ошарашенно смотрит на меня девушка

Женщина с красивым лицом

На столе лежит фотография женщины,
у неё красивое лицо,
губы растянуты в полуулыбке,
и длинющая коса,
как у красавицы из 38-й квартиры
в легендарном фильме «Афоня».
Но на больничной койке
лежит не она,
а будто ожившая мумия
из гробницы Тутанхамона.
Меня прикрепили к ней
для реабилитации
после несчастного случая.
У неё выгорела вся квартира.
Огонь «съел» лицо, «съел» руки,
она словно сама выгорела,
почти не ела, не пила,

выражала апатию ко всему!
Врачи строго запретили
показывать пациентке зеркало.
Но она попросила родных
принести ей старые фото.
Из груды карточек она выбрала
одну-единственную.
Она смотрит и молчит,
словно силится запомнить
каждую чётточку
теперь уже чужого,
не своего лица.

* * *

— Не переживай, мать, всё устроим! —
кричит ей с улицы
повеселевший от спиртного газовщик.
Мария не успевает отойти от окна.
Удар извне, резкий пинок в живот.
Её отбрасывает в комнату.
Комната охвачена пожаром.
Огонь сжирает со стола
шёлковую скатерть,
янтарный лак трескается от жара,
на стенах лопаются зеркала,
амальгама плавёт.
Или это реальность
плавёт у неё перед глазами?
— А как я потом очутилась в больнице,
одному Богу известно! —
говорила еле слышно,
одними губами, несчастная женщина. —
Доктор, покажите мне зеркало,
я хоть одним глазом гляну на себя,
обещаю, плакать не буду,
и так знаю:

жить мне на свете
до конца жизни уродом!
Женщины часто играют
своей необычайной внешней красотой,
как дети выкидным ножом «бабочка».
Им случается самих себя
больно поранить.

* * *

Я, как обычно,
еду домой с работы на метро,
возвращаюсь затемно.
На выходе вижу, как всегда,
вполне обыденную картину —
памятник архитектуры
Нарвские триумфальные ворота.
Колесница с шестеркой лошадей,
которой управляет
богиня победы и славы —
Ника, готовая унести
в бескрайнее тёмное небо.
А медные древнерусские витязи
увенчивают лаврами
всякого входящего в эти ворота.
На площади уже никого нет,
все добрые люди
сидят уже по своим домам.
На крыше ворот, под «небесами»,
подсвеченной жёлтыми огнями,
уютно устроились голуби.
Богиня взмахивает
пальмовой ветвью,
и птицы взмывают ввысь.
Лицо Ники искажено.
Моё сердце не выдержит,
оно выпрыгнет из груди!

Это сон! Сновидение!
Всего лишь игра
моего воспалённого воображения!
Поговаривают, что её лик
исказила вибрация
от проезжающих машин.

Синдром Ренфильда

— Я готов охапки белой сирени
носить тебе зимой! —
беспомощно вздыхаю я,
стоя у твоей
больничной кровати.
Ты лежишь на мелованном
полотне простыни,
распятая
коварной болезнью.
Я тревожно заглядываю
в твоё измученное лицо.
Чувственные губы
будто испачканы черникой,
неестественны в своей краске.
Они беззвучно вопрошают
о неутолимой жажде!
*Бредит шальная весна,
просит и просит воды*.*

* * *

— Лихоманка его взяла,
твоего прадеда Николая! —
вспоминал я рассказ своей бабки. —
От того и рябой сделался.
Всё воды просил, родимый,

---

* Из песни Д. Арбениной «Еврейская».

а пить ему было нельзя,
дохтур не велел!
А он, неслушник, наглотался
студёной водицы
прямо из открытого колодца!
После метался
в бесконечном бреду,
изнемогая от жара.
По старинному преданию,
лихорадки вселяются в людей,
прилетая на нашу грешную землю.
Они «трясут»
несчастных в страшном ознобе,
выкручивают суставы,
ломают кости.
Измучив одного,
лихорадка тут же
принимается за другого.
В своём стремительном полёте
она пылко целует
свою избранную жертву,
и от прикосновения её губ
человек серьёзно заболевает.
«Его поцеловала лихоманка», —
говорят в народе про человека,
у которого «обметало» губы.
— Няня, что-то всё не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром!
Всё как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом.
— Ах, родимый, Бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко — знаешь сам.
— Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,

*Лихорадка... я шучу...
— Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.
Вишь, нелёгкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит
И пойдёт тебя трепать.
— Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы —
Лихорадка ли она?**

* * *

Только жажда твоя
совсем другого рода.
У тебя «синдром Ренфильда»,
названным учёным
Ричардом Нолом
в честь одного из персонажей
культового романа
Брэма Стокера «Дракула».
Этой странной болезнью страдают
чаще всего мужчины.
К её естественному развитию
ведёт так называемый
«главный» случай,
который происходит
в совсем детском возрасте.
Однажды ты сильно порезалась
осколком тонкого стекла,
машинально поднесла
окровавленный палец ко рту
и стала жадно слизывать

---

* А. Фет. «Лихорадка».

горячие капельки,
выступавшие из раны.
В комнату вошла твоя мама,
и это зрелище
сильно её напугало.
Она стояла, блее белого мела,
прислонившись плечом
к дверному косяку.
Вместо её милой девочки
на полу сидел дьявольский суккуб.
Острые глаза демоницы, казалось,
впились в самое сердце
и сейчас сжимали его в тисках.
Мать истошно закричала.
Ты очнулась
от этого ужасающего звука,
ничего не соображая,
забывшись в своём сладострастии,
размазывая
собственную кровь по щекам.
Позже ты находила
разные способы,
чтобы раздобыть кровь.
Колола пальцы,
разгрызала до крови губы,
добравшись до вен,
неоднократно
попадала в больницу,
как заядлая суицидница.

* * *

Я попробовал
составить для тебя
своего рода «красное» меню.
Томатный суп, красная фасоль,
красное вино «Каберне»

с щепоткой соли,
мясо животных, само собой!
Ты сидела
на этой «красной» диете полгода,
а потом познакомилась с ним,
с этим «черным принцем».
Это был типичный
готический мальчик:
характерный
нордический блондин,
бледный, высокий и худощавый.
К тому же ему была присуща
какая-то каменная молчаливость.
Невозмутимость
в любой ситуации
была также его коньком.
Он завоевал твоё сердце
некротической романтикой.
Свидания в склепах
и прогулки по городскому кладбищу,
а потом пошли в ход
кровавые ритуалы и чёрные мессы.
Конечно, ты больше не посещала
мой «врачебный» кабинет!
Мы регулярно созванивались
с твоей встревоженной матерью,
но всё было тщетно.
Однажды ты просто
не возвратилась домой.
И вот какая-то чертовщина
стала происходить в городе:
Этот город —
сумасшедший старик,
которому вот уже тысяча лет.
Здесь по ночам воеет ветер,
а может, волки или бродячие собаки,
кто их разберёт?

Холодный пронизывающий туман
стоит стеной, как во всех
среднестатистических ужастиках.
А ещё на осенней опавшей листве
стали обнаруживать
трупы дворовых кошек.
По застывшему в стойке телу
и выражению кошачьей морды
общественность рассудила,
что животные погибли в бою.
Вот только с какой такой силой?
Кошки не убивают своих,
собаки раздирают врага в клочья!
Кто это всё-таки делает? Люди?
Неужели они так жестоки?
Этот город сошёл с ума.
Ему ведь можно?
Я отмахивался
от дурных предчувствий,
как от назойливых мух.
И вот я, задержавшись
на работе допоздна,
побрёл домой
единственным путем —
через старое кладбище.
Меня совсем не пугал
унылый вид погоста.

* * *

Она касалась
моих холодных рук
своими горячими губами,
нежно гладила меня
по самой незащитности —
по пульсирующей жилке на шее,
выворачивала ворота

моего плаща и рубашки
и заглядывала в фирменные бирки,
словно они могли ответить
на волнующие её вопросы!
Это была полуночная коррида.
Мулёткой маячили алые губы.
Мы танцевали этот пасодобль.
— Честности не учатся!
— Она в крови!
— Ты ведь любишь меня?
Знаю, что любишь! —
страстно шепчешь мне ты.
— К чему вся эта игра,
девочка моя милая? —
спокойно спрашиваю я
в ответ на твои горячечно-
отчаянные слова.
Когда мёртвая хватка ослабла,
я ощутил в своих руках «кусочек льда».
Ты, совсем обессиленная, лишилась чувств.
Я поднял тебя на руки
и понёс прочь от этого гиблого места.
Только теперь я заметил,
что за ближайшим надгробным камнем
стоит неподвижная тёмная фигура
и смотрит на меня презрительно в упор.

* * *

Прошло немало времени,
пока ты достаточно окрепла,
пришла в себя,
пока глаза твои заблестели
радостными искорками жизни,
а щёки запылали
нежным румянцем.

Ты улыбаешься мне при встрече.
— Что тебе снится,
крейсер «Аврора»,
в час, когда утро встает над Невой? —
спрашиваю я, слегка иронизируя.
— Сегодня мне во сне явилась
маленькая золотая рыбка,
которая плавала
в небольшом городском фонтане, —
честно отвечаешь ты.
А через несколько месяцев
у тебя появился малыш —
белобрысый, синеглазый.

Улыбка сфинкса

Я задумчиво вошёл
в приёмную своего кабинета.
Улыбчивая секретарша
с порога заявила,
что меня ожидает посетитель.
Я попытался было возразить,
что вчера ещё
никакой записи на утро не было,
но моментально осёкся, подумал:
«А вдруг человеку и впрямь
нужна моя помощь?!»
За тонкой филёнчатой дверью меня
ждал взволнованный мужчина.
— Доктор, вы ведь сможете мне помочь?
Ведь я не сошёл с ума?
Я попытался его успокоить,
предложив для начала
чашечку чая с марокканской мятой.
Совладав
со своими смутными чувствами,

мужчина начал
свой сбивчивый рассказ:
— Вчера в маленькой
соседской квартире
она умерла,
молодая, красивая,
но бесперспективная,
никому не нужная,
даже родственникам,
рыдающим над её юным
бездыханным телом,
между делом
обвиняющим друг друга
в скоропостижной смерти.
А для меня она бессмертна,
но моё сердце звенит от боли,
имя крошится
хрупким стеклом на губах,
я подчиняюсь всеобщему психозу.
Боюсь подойти к открытому окну,
боюсь увидеть её
в траурном кортеже
и сверху вниз кинуться камнем
с неба шести этажей на землю.
Когда погребальным хлопотам
будет положен «достойный» конец,
пойду и куплю гвоздик
цвета жёлтого шартрёза.
Я буду
безжалостно колоть ими
озябшие руки людей,
чтобы они помнили о тебе,
а гвоздики будут падать на снег
пунцово алея!
Я был не в себе,
поэтому плохо помню,
как провёл последующие дни!

Помню, что долго бродил
по городским окрестностям
и неожиданно вышел
на гранитную набережную,
где царственно восседали
на своих высоких постаментах
молчаливые египетские сфинксы.
Я долго всматривался в их
искаженные временем лица,
и мне неожиданно показалось,
что губы одного из них
дрогнули в слабой улыбке.
Меня
словно электрическим током
дёрнуло.
Я в ужасе помчался прочь
от этих каменных изваяний.
Доктор, только не подумайте,
что я сумасшедший! —
твердил мой
обеспокоенный пациент.

* * *

Весь день
я просидел в глубоких раздумьях:
Как же поступить с таким пациентом?
Ведь он не сумасшедший,
это просто неизбежные последствия
сильнейших переживаний!
Вечером
я пошёл в Публичную библиотеку,
старательно обложился
пособиями по египтологии
и, кажется, нашёл верный выход!

* * *

Едва дождавшись момента,
когда часовая стрелка показала
девять утра,
я торопливо набрал номер,
оставленный
клиентом секретарю
для связи с ним
«в любое время дня и ночи».
Позвонить ранее
мне не позволила этика —
не только психологическая,
но чисто человеческая.
Нервная система
моего бедного пациента
была настолько измотана,
что ему требовался
полноценный сон.
К слову, я выписал ему
лёгкое снотворное средство.

* * *

Телефонную трубку
подняли не сразу.
Я терпеливо слушал
уныло-протяжные гудки,
пока в мембране не раздалось
долгожданное «алло».
Предварительно откашлявшись
в кулак, мужчина громко произнёс:
— Слушаю!
Пожелав доброго утра,
я сказал,
что нашёл способ решения
его психологической проблемы.

* * *

И в тот же вечер
на гранитной набережной,
где стояли
те самые загадочные фараоны.
Прохожие наблюдали
странного мужчину,
который стоял
возле древних скульптур
и вполголоса, как молитву,
читал:
— О, царь
Египта Южного и Северного,
Верхнего и Нижнего,
владыка обеих земель,
принадлежащих
папирусному Тростнику
и медоносной Пчеле!
Родовым именем пяти имён
заклинаю тебя!
«Хоровым именем»,
начертанным
в прямоугольном серехе*,
на котором восседает
зорким соколом
всевидящий бог Гор!
Благословенными именами
двух всесильных господ!
Небесной защитницей Египта,
называемого древними
не иначе как
Та-мери — «любимая земля»,
и воинственной покорительницей
чуждадных стран.

---

* В серехах обычно писали имена царей в ранний период, что-то на манер картушей.

Золотым именем вечности
восседающего на троне
сына солнценосного Ра,
заклинаю тебя!

* * *

«Человек, который страдал
монументофобией...» —
пишу я в своей тетради
некий анамнез заболевания.
Живут же на свете
такие выдающиеся скульпторы,
которые очень искусно
делают свою работу!
Эти произведения искусства
в итоге вызывают у людей
неконтролируемый страх
по причине своей «живости».
Так, небезызвестные сфинксы
на одной питерской набережной
свели с ума уже немало людей.

Бежала

Сильный проливной дождь
заставил меня срочно искать
укрытие в ближайшем кафе
с красивой открытой террасой,
густо обвитой виноградной лозой
с ярко-пурпурными листьями,
который в народе
ещё называют «девичьим».
Дождь барабанил
по дощатой крыше,

лупил в оконные стёкла
тугими холодными струями.
Я занял
свой «наблюдательный пост».
Смеркалось,
за окном уже «дымился»
«янтарь» уличных фонарей.
Дождь продолжал
настойчиво стоять
массивной «китайской» стеной.
Автомобили молниями рассекали
на беспредельной скорости
влажный асфальт.
Кто ты? Откуда ты взялась —
с глазами недоспелой голубики:
недосинего, недоголубого цвета?
Бежала наперерез судьбе, машинам.
Бежала... Всё оборвалось...
Спустя какие-то секунды
сравнились небо и асфальт
и кровь и грязь смешались!
Несмотря на разыгравшееся ненастье,
я выбежал на помощь пострадавшей,
но было слишком поздно.
Девочка лежала на животе
в неестественно скрюченной позе
и не подавала
никаких признаков жизни!
А жизнь казалась нам,
столпившимся вокруг
бездыханного тела,
в тот момент такой драгоценной!
Мне не оставалось ничего
кроме как
безжалостно констатировать
время смерти и вызвать «скорую».

Мне потом долго-долго
снилось наивно-растерянное лицо
этой несчастной девушки.
Потом оно
неожиданно превращалось
в лицо чеченской снайперши
Эсмы,
она сбивчиво шептала мне в уши
бессвязные слова:
— До «пшеничного» по «минному» —
на сердце рана, это личное...
Вишнёвые косточки перебираю,
как чётки:
Тридцать три — возраст Христа!
В гусином горле
гремит горох — трещотка:
Стреляй, досчитав до ста!
Что, кишка тонка?
Вяжу из тебя верёвки,
перевязав артерию сонную.
Не до сна —
цвет «вишудхи» — тирский пурпур.
И что-то гнусно-крысиное
мелькало
в её расплывающихся чертах,
но она отчаянно повторяла:
— До «пшеничного» по «минному» —
на сердце рана, это личное!
Ведь к тебе я, безразличному,
на коленях не приползу!
До «пшеничного» по «минному»,
до «пшеничного» по «лунному» ...
А что с личным — это личное,
ведь чужая душа — это тёмное!

* * *

Меня зовут ****.
А так ли это важно
для тебя, мой читатель?
Я работаю психологом,
мои пациенты
зовут меня просто — Доктор.
Я окончил гуманитарный вуз
по данной специальности,
но это не принесло мне
величайшего счастья —
ни личного,
ни тем более
профессионального.
Я помогаю всем,
но не могу помочь себе.
Я словно
сапожник без сапог!

*Благодарю литературный сайт lib.ru,
в частности
Максима Мошкова за страничку,
посвященную Первой и
Второй чеченской кампании,
а также Владислава Шурыгина
за «Письма мертвого капитана»,
Георгия Костылева за «Крепкие орешки»,
Раяна Фарукина за «Не спешите нас
хоронить...»,
Вячеслава Миронова за «Чеченские рассказы».
Спасибо вам и таким, как вы!*

Рита Волкова

ЛОГОПСИХ

Повесть

Корректурa Ю. Б. Гомулиной

Верстка Е. В. Мининой

Дизайн обложки Е. О. Шваревой

Изд. лицензия № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 17.07.2014. Формат 84 x 90 ^{1/32}

Гарнитура WarnokPro. Печ. л. 3,125

Заказ 6/05

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»

Санкт-Петербург, ВО, 1-я линия, дом 28

<http://www.heliconplus.ru>